

**КАРПАТОРУССКИЙ БУКВАРЬ И. ДОБОША И П. ФЕДОРА:
МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ ПЕРВОЕ (1925 Г.) И ВТОРОЕ (1929 Г.)
ИЗДАНИЕ БУКВАРЯ ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ КНИГОЙ?**

Марианн Лявинец

В 1919 году Подкарпатская Русь вошла в состав Чехословацкой Республики с правом ее народов на самоопределение и приобрела международное признание. Это повлекло за собой коренные изменения в культурной, образовательной, общественной и политической жизни русин. После глубокого «сна» и политики ассимиляции, проводимой в Австро-Венгрии, русины приобрели статус полноценного народа, и вместе с этим возможность развития своего национального идентитета. Наиболее ярко этот период можно охарактеризовать, как *период бума* различных русинских политических партий и течений. Таким образом, впервые за всю свою историю русины стали не только равноправным народом государства, но и имели собственную административную единицу – автономную территорию: Подкарпатскую Русь. Новая власть обеспечивала не только экономическую стабильность в регионе, но и реорганизовала систему просвещения, согласно которой преподавание чешского, словацкого, русского, украинского и русинского языков было обязательным в учебных заведениях. Что касается русинского языка, следует отметить, что в этот период образовалась сложная языковая ситуация. В сентябре 1919 года был создан «Генеральный статут для организации и администрации Подкарпатской Руси», согласно которому «народный язык будет языком обучения в школах и официальным языком вообще». Позже, для уточнения понятия «народный язык», в конце года в Праге была создана комиссия, в которую вошли члены Чешской Академии наук. Как отмечает Г. Геровский, «Комиссия объявила о введении в качестве языка обучения в Подкарпатской Руси „галицкого украинского языка“, считая, что подкарпаторусский диалект вместе с галицким диалектом относится к группе южнорусских (малорусских) диалектов. Одновременно комиссия рекомендовала ввести в старших классах и литературный русский язык для того, чтобы ученики не забывали о своей принадлежности к великому русскому народу. Это позже реализованное ре-

шение привело к тому, что народный язык полностью утратил свое значение в школе и одновременно был утрачен традиционный язык просвещения и культуры Подкарпатской Руси» (Геровский 1995: 80–81).

На общественной арене, с одной стороны, возродилось русофильское направление, а, с другой стороны, появилось украинофильское. Благодаря этому, сложился особый языковой дуализм, который наложил свой отпечаток на дальнейшее развитие русинского языка. Каждое из этих течений имело свои газеты, журналы, культурные организации. Одной из самых важных организаций русофильской и русинофильской ориентации было Общество им. А. Духновича (*Русское культурно-просвѣтительское общество им. А. Духновича*), основанное в 1923 г., а украинофильской ориентации – Товарищество «Просвита» (*Товариство «Просвѣта» Пôдкарпатскоѣ Руси*), основанное в 1920 г. Благодаря плодотворной работе этих организаций появились грамматики русского литературного языка, украинского литературного языка (точнее его галицкого варианта) и «традиционно карпаторусского» (т.н. «язычия» или русинского) языка.¹ На фоне этих двух самых крупных и популярных организаций, как со стороны русофилов, так и со стороны украинофилов, существовало еще много других не менее важных организаций, которые также внесли свой немаловажный вклад в культурно-просветительскую жизнь Подкарпатской Руси того времени. Одной из таких организаций было Учительское Товарищество Подкарпатской Руси, которое было основано в 1920 году в Ужгороде. Эта русофильская организация учителей добивалась введения русского языка в школах Подкарпатской Руси, издавала журнал *Народная школа* (1921–1938 гг.). В 1925 году этой организацией был издан *Карпаторусскій букварь* (в дальнейшем *КБ*). Второе, дополненное, издание этой книги вышло в 1929 году. По данным многих источников, этот Букварь был выпущен или переиздан(!) 4 раза (Куцов 2007; Ма-

¹ Одной из самых известных грамматик русофильского направления была *Грамматика русскаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній* (1924) Е. Сабова. Есть предположения, что реальным автором этой книги был русский политический эмигрант А. Григорьев (1874–1945), который в это время преподавал в Ужгороде и Пряшеве. Что касается украинофильского направления, то здесь самой популярной грамматикой была *Грамматика руського языка* (1922, 1927, 1936) политического эмигранта из Галиции И. Панькевича. Параллельно с этим существовала *Практична грамматика руського языка для народных, горожанских и средних школ* (1926) А. Волошина. Об этом см. Магочій–Поп 2010: 505.

гочій–Поп 2010). Наше внимание будет сосредотачиваться на сравнении первых двух изданий. Они вызывают интерес как с языковой точки зрения, так и с политической, которая имела значительное влияние на русинское движение в период, когда Подкарпатская Русь была включена в состав Чехословацкой Республики. Целью нашей работы является сравнение первых двух изданий *КБ* 1925 и 1929 гг., так как в ходе наших исследований возник вопрос: можно ли считать второе издание *Букваря* дополненным, или скорее всего его нужно считать новым изданием под старым названием? Можно ли считать *КБ* 1925 и 1929 гг. одной и той же книгой?

1. Об авторах Карпаторусского Букваря

Авторами *Букваря* были И. Добош и П. Федор, видные деятели просвещения, которые принимали активное участие в политической и экономической жизни русин. Об Иване Добоше (1871–1951) мы знаем довольно мало. Он родился в селе Дубино (Австро-Венгрия) в многодетной семье. Отец его был простым крестьянином. Жажда к знаниям побудили молодого И. Добоша вырваться из деревенского окружения. Сначала он учится в монастырских школах Мукачева, потом в Мариаповче. В 1897 году он окончил учительскую семинарию в Ужгороде и начал работать учителем, позже стал директором народной школы в с. Нелипино. В 1921 году его назначают инспектором школ Свалявского округа. Из семейных архивов мы знаем, что на этот пост за многогранную учительскую деятельность его выбрали решением учительского собрания округа, а Прага только подтвердила назначение. Одной из главных заслуг И. Добоша было распространение письменности и культуры в самых отдаленных местах Подкарпатской Руси. Так, он добился постройки 14 школ в горных селах. Почти все свои сбережения он потратил на строительство Дома русской культуры в Сваляве, также по его инициативе во многих селах были открыты и избы-читальни. В 1935 г. правительство Чехословакии наградило его Декретом признания и благодарности (Поп 2006; Добош 2010).

Имя второго автора *КБ* «необоснованно забыто». Несмотря на то, что в свое время работы П. Федора получили широкий резонанс в культурной и научной среде не только Подкарпатской Руси, а и за ее пределами. Павел Федор (псевдоним: Цирохинь (1884–1952)) также, как и его соавтор, родился в крестьянской семье в селе Сланске Нове

Место (Австро-Венгрия). Начальное образование он получил в родном селе, после чего продолжал учиться в городе Гуменное (1895–1899 гг.) и Пряшевской греко-католической учительской русской семинарии (1899–1903 гг.). Свою педагогическую деятельность Федор начинает в сельских школах. После образования Чехословацкой Республики он переезжает в Ужгород, где работает сначала учителем городской школы, а позже – заместителем инспектора школ Ужгородского округа. С 1922 года он – референт отдела руководства школьными общинами в Реферате школ и народного просвещения Гражданской (Краевой) управы Подкарпатской Руси. В 1937 году П. Федор был переведен в Хуст на должность референта Хустского, Раховского и Тячевского округов. Помимо общеобразовательной деятельности он активно принимал участие в общественно-политической жизни, был членом различных обществ. Кроме того П. Федор был творческой личностью. Он писал не только учебники и учебные пособия для начальных школ, но и художественные произведения, публицистику и научно-популярные очерки по вопросам краеведения и литературоведения. Среди его литературного наследия фигурируют пьесы, поэзия, роман (об этом см. Куцов 2007; Магочій–Поп 2010).

2. Художественное оформление Карпаторусского букваря

У второго издания Букваря фактически осталась только обложка первого. Первое, что бросается в глаза, это изменение *художественного оформления* книги. Первое издание было оформлено графическими рисунками, автор которых в издании не указан. Рисунки были весьма концепционными. Лица, изображенные на рисунках, указывали на органы речи, т.е. фонацию, органы, при помощи которых произносится и вырабатывается определенный звук. Хотя рисунки были бедными, но с педагогической точки зрения, с точки зрения обучения детей азбуке и фонетике, они были весьма полезными. В конце *КБ* 1925 г., где размещены тексты для чтения, даются или фотографии, или простые рисунки, которые в основном функционировали как иллюстрации к текстам. На смену им, во втором издании, которое оформил С. Кутлан,² пришли пестрые цветные лубочные картинки, кото-

² С. Кутлан (1894–1969) видный живописец, педагог. Интересно отметить, что ни в одном из научных источников, в которых упоминается художник, не говорится об иллюстрировании им Карпаторусского Букваря 1929 г. В ходе наших ис-

рые резко отличались от прежних и «взяли на себя» функцию объяснительных иллюстраций к текстам книги. Использование лубочных картинок в книгах, предназначенных для народных чтений, в то время было широко распространено в России. Очевидно, проникновение лубочной книжной культуры на Подкарпатскую Русь было связано с переселившимися на эту территорию после Первой мировой войны русскими эмигрантами. Термин «лубочная литература» часто смешивался с термином «народная литература». Последняя, в свою очередь имела два смысла: литература *широких масс* и *литература для народа*, которая преследовала популярно-просветительские цели. Лубочная литература имела огромный спрос среди простого народа, поэтому издательства временами применяли в своей работе по оформлению и распространению своих книг опыт лубочников. Исходя из вышеуказанных фактов, можно предположить, что использование авторами лубочных картинок преследовало две цели. С одной стороны, распространением Букваря среди широких масс (т.е. народа) привлечь к себе большинство, что было немаловажным, так как шла постоянная напряженная борьба между двумя главными языковыми направлениями: русофилами и украинофилами. С другой стороны, поскольку русофилы яро выступали против украинизации «*руського языка*», казалось целесообразным использовать широко распространенное в России лубочное искусство и этим самым укрепить русофильское самосознание у простого народа.

Не обошла Буквари и *политика*. На первых страницах *КБ* 1925 г. был помещен портрет великого русинского будителя А. Духновича и первые строки его стихотворения, которое впоследствии стало гимном русин «Подкарпатськіє русини, оставте глибокій сонь!». В издание *КБ* 1929 г. вместо портрета А. Духновича был помещен портрет первого президента Чехословацкой Республики Т.Г. Масарика, а вместо цитаты великого будителя – «Правда побѣждает!». Помимо этого, во втором издании *КБ*, в конце текстов для чтения, вместо гимна русин дается воззвание А. Духновича «Я русин был, есмь и буду». Наря-

следований о его иллюстративном искусстве мы нашли материал в интернете. В найденной нами статье говорится о посвященной памяти художника выставке, которая была организована в его родном селе Фанчикове. Кроме этой книги, он иллюстрировал: читанку *Зарниця* (1925), румынскую азбуку *Лучефарул* (Luceafărul) (1937), в 1945 г. венгерские буквари (<<http://clipnews.info/newstopic.htm?id=14304>> (29.11.2012.)).

ду с этим, среди дополнительных текстов, был помещен новый текст под названием «Отец Масарик».

3. Содержание Карпаторусских Букварей

Кроме, как уже выше было сказано, изменения художественного оформления *КБ* огромные изменения наблюдаются и в содержании учебников. Оба Букваря начинаются с введения гласных звуков. В издании 1925 года вводятся гласные -а, -у, -о, -и, -е, -ы, и сразу же даются прописи. А в издании 1929 года – гласные -и, -а, -у, -о, -ы, -е, прописи даются позже. В *КБ* 1925 г. сначала вводится согласный -ш, и даются буквосочетания типа: *аш, иш, уш, ош; ша, ше, ши, шо; шаша, ши-ши*, а в *КБ* 1929 г. – согласный м, и даются слоги, из которых можно образовать простые предложения типа: *ма ма, ма ма и мы; мы ма е ме ма му; мы у ма мы; ма ма и мы*. В дальнейшем в подаче учебного материала по согласным в двух учебниках больших отличий не наблюдается. *КБ* 1925 г. – ш, м, с, н, р, п, л, т, г, д, в, к, ч, в, і, й, б, з, ц, щ, х, ф, ж, ъ, ю, я, э, ө, ъ. После каждой буквы даются прописи. *КБ* 1929 г. – м, ш, с, н, р, п, л, т, г, д, к, ч, в, й, б, б, з, ц, х, щ, ф, ж, ъ, ю, я, ө. Буква і дается только в прописях. В этом издании намного интенсивнее вводятся простые смысловые предложения. Примером может послужить введение буквы п, в *КБ* 1929 г. уже бросается в глаза эта разница:

Таблица 1.

<i>КБ 1925 г.</i>	<i>КБ 1929 г.</i>
<i>Пе-ро, па-па, па-ша.</i>	<i>Па-па ма-е ти-пу.</i>
<i>Пес, суп, пас, сын, наш.</i>	<i>У ме-не Са-ши-но пе-ро.</i>
<i>Ро-ма-не ти-ши! Мы ма-е-ме па-ру.</i>	<i>Пе-ро са-мо не ти-ше.</i>
<i>Пу, пу, пу, пу, пу, пу,</i>	<i>У Ро-ма-на мо-е пе-ро</i>
<i>у-сын су-пу у ми-су!</i>	<i>о-но са-мо не ти-ше.</i>
	<i>Мы са-ми ти-ше-ме.</i>

В *КБ* 1925 г. мы в основном видим лаконичные, не связанные между собой предложения, как, например, на букву г, а в *КБ* 1929 г. в значительно большей мере встречаются простые смысловые предложения, часто в стихотворной форме:

Таблица 2.

КБ 1925 г.	КБ 1929 г.
<i>Го-ра, но-га. Ма-гу-ра.³</i> <i>Гли-на гу-ста. Га-га гу-си.</i> <i>Мы на по-ли у-сну-ли.</i> <i>Гу-си на луг пу-сти-ли.</i>	<i>Го-ры на-ши, го-ры,</i> <i>Го-ры на-ши, ми-лы.</i> <i>Лу-га на-ши, лу-га,</i> <i>Лу-га на-ши, ми-лы.</i> <i>На лу-га, на лу-га</i> <i>Гу-сы мы го-ни-ли,</i> <i>Гу-сы мы го-ни-ли.</i> <i>Мо-ты-ли и-ма-ли,</i> <i>Гу-сы га-га-га,</i> <i>На по-ле по-па-ли.</i>

Иногда приводятся небольшие связные рассказы. Например, в случае буквы *д*:

Таблица 3.

КБ 1925 г.	КБ 1929 г.
<i>Ду-га, ру-да, да-ма.</i> <i>О-ле-на мо-ло-да. Ру-да до-ро-га.</i> <i>Ма-ма да-ла нам ме-ду. Па-дал град.</i> <i>То на-ша до-ли-на,</i> <i>Тут на-ша ро-ди-на.</i>	<i>Мы ма-е-ме ма-ло-го Да-ни-лу.</i> <i>Ма-е-ме и ма-ло-го А-да-ма.</i> <i>Ма-ма ли-ши-ла Да-ни-ла до-ма.</i> <i>Ли-ши-ла и ма-ло-го А-да-ма.</i> <i>О-на да-ла А-да-му сы-ра и ме-ду.</i> <i>Да-ни-лу ни сы-ра, ни ме-ду.</i> <i>Мы ра-ди-ли А-да-му:</i> <i>Да-ти ме-ду Да-ни-лу.</i> <i>Да-ти, не да-ти?</i> <i>А са-мо-му не ма-ти.</i> <i>Мы го-во-ри-ли А-да-му:</i> <i>Не ду-ри А-да-ме, Да-ни-ла.</i>

Помимо этого в КБ 1925 г. помещено 45 текстов, а в КБ 1929 г. – 75, из которых соответствуют первому изданию только 25.

³ Магура – гора, большая соседней (Керча 2007).

4. Грамматика Карпаторусского Букваря

Как уже упоминалось, авторы *КБ* принадлежали к русофильскому направлению, что отразилось не только в их политическом или историческом мировоззрении, но и в языке. Следует отметить, что сторонники украинофильского течения в своих грамматиках применяли фонетическое, в то время как русофилы – этимологическое правописание. Помимо этого, существуют отличия и в употребляемой ими лексике. Украинофилы пытались использовать как можно больше галицких слов, что с одной стороны приближало их к народному (традиционному) русинскому языку, в то же время, благодаря полонизмам, отдаляло их от местного языка. Русофилы же, в свою очередь, использовали в большей степени лексику великорусского языка, что с одной стороны, благодаря церковнославянским нормам сближало его с русинским, но с другой стороны отдаляло от языка простого народа. *Карпаторусский букварь* составлен на основе этимологического принципа правописания, по грамматике Е. Сабова. В *КБ* 1925 г. так же, как и у предшественников (напр., Е. Фенцика), наблюдаются «искусственные отклонения» от грамматических форм русского литературного языка. Рассмотрим несколько примеров.

4.1. Имена существительные

В *КБ* 1925 г. наблюдается употребление звательного падежа имен существительных. Например: *Анно! Роси росо! Романе пиши! Олено! Петро! Но, Мамку! Иванку!*

4.2. Имена прилагательные

В русском языке имена прилагательные женского рода имеют окончание *-ая*, в *КБ* 1925 г. – *а*: *мала, стара, велика, кострубата*,⁴ *бородата*. В винительном падеже вместо окончания *-ую* встречается окончание *-у*: *малу, стару, велику, кострубату, бородату*. Кроме того встречаются отклонения и во множественном числе прилагательных: *мудрый – мудра – мудре – мудры*.

4.3. Глаголы

В неопределенной форме глагола вместо русского окончания *-ть* (звать) пишется *-ти* (звати): *спочивати, кричати, посадити, платити, миловати* и т.д. Также наблюдаются отклонения в спряжении глаголов мн. ч. I л., вместо формы *пишем* употребляется *пишеме*.

⁴ *Кострубатый* – растрепанный, лохматый (Керча 2007).

Напр.: *маеме, живеме, хочеме, будеме* и т.д. Обращает на себя внимание также употребление устарелых глаголов: *мать миловала, пестила*,⁵ это *есть* отголосок; *усып* супу у мису; а также употребление глаголов: *суть* вместо *существуют*; *запалиль* вместо *зажег*; *поклаль* вместо *поставил*; *скочила* вместо *прыгнула*; *казали* вместо *говорили*; *теля ссет* вместо *сосет*; *Өома заблудиль* вместо *заблудился*. Кроме того, встречаются заимствования из немецкого, по всей вероятности, через венгерское посредничество: напр., слово *мусай* в значении 'нужен, нужно, должен' (от немецкого *müssen*).

В КБ 1929 г. наблюдаются значительные грамматические изменения по сравнению с учебником 1925 г. О них мы можем судить на основе тех текстов, которые вошли в оба издания Букваря. Из второго издания выясняется, что часть текстов была составлена самими авторами, а часть перенята из разных букварей видных русских педагогов-методистов того времени, а в частности из учебников *Наглядные уроки письма* В.А. Флерова и *Русский букварь* В.П. Вахтерова. Всего лишь в пяти текстах (*Як говорят скоты и птицы?*, *Говори скоро!*, *Ворона и рак*, *Дѣти Подкарпатя* и *Рѣпка*) не было внесено никаких изменений кроме исключения твердого знака в конце слова, вызванного орфографической реформой правил русского правописания 1917–1918 гг. Во всех остальных текстах разница ощутима. Рассмотрим примеры.

4.4. Имена существительные

В отличие от КБ 1925 г. в более позднем издании в некоторых случаях опускается употребление звательного падежа имен существительных.

Таблица 4.

КБ 1925 г.	КБ 1929 г.
<i>Такъ, братчику, такъ должно быти.</i>	<i>Так, братик, так должно быти.</i>
<i>Жаба стала дутися и снова квакнула: «Воле, видишь-ли, я уже такъ велика, что тебе и не видно изъ-за мене».</i>	<i>Жаба начала дутися и снова квакнула: «Вол, видишь-ли, я уже такъ велика, что тебе и не видно изъ-за мене».</i>

⁵ *Пестити* – пестовать, баловать, нежить, ласкать (Керча 2007).

<i>Дѣду, дѣду! чего вы съ тѣмъ мучи- теся?</i>	<i>Дѣдушка, дѣдушка! чего вы с тѣм трудитесь?</i>
<i>«Что дѣлаешь кумо? Доброе грозно?»</i>	<i>«Что дѣлаешь кума? Доброе грозно?»</i>

4.5. Имена прилагательные

Наблюдаются изменения в правописании прилагательных мужского рода с ударением в конце слова, а также прилагательных женского рода:

Таблица 5.

<i>КБ 1925 г.</i>	<i>КБ 1929 г.</i>
<i>Семейство и родный домъ.</i>	<i>Семейство и родной дом.</i>
<i>То есть нашъ милый родный домъ.</i>	<i>То есть наш милый родной дом.</i>
<i>Увидѣлъ то голубь и пожалѣлъ ма- леньку пчелу.</i>	<i>Увидѣл то голубь и пожалѣл малень- кую пчелу.</i>
<i>Лисица подскочила разъ, подско- чила другій разъ, но грозна не до- сягла.</i>	<i>Лисица подскочила раз, подскочила другой раз, но грозна не досагла.</i>
<i>Надъ Великой горой появилась чер- на хмара.</i>	<i>Над горами появилась черная хмара.</i>
<i>Рыболовы ввергли сѣть и скоро вытянули золотый топоръ.</i>	<i>Рыболовы ввергли сѣть и скоро вы- тянули золотой топор.</i>
<i>На другій день хлопчикъ заболѣлъ.</i>	<i>На другой день хлопчик заболѣл.</i>

4.6. Глаголы

Несмотря на то, что в неопределенной форме глагола вместо русского окончания *-ть* (звать) пишется *-ти* (звати), в спряжении глаголов мн. ч. I. л., вместо «старой формы» пишем уже встречается русское пишем.

Таблица 6.

<i>КБ 1925 г.</i>	<i>КБ 1929 г.</i>
<i>«Мы ихъ внуки и тоже любиме ихъ. Отецъ, мати, дѣдо, баба и дѣти, составляеме семейство (сѣмью- фамію)».</i>	<i>«Мы их внуки и также любим их. Отец, мати, дѣд, баба и дѣти, соста- вляем семейство (сѣмью-фамію).</i>

<i>Мы всѣ родилися въ томъ домѣ, въ которомъ живеме.</i>	<i>Мы всѣ родилися в том домѣ, в котором живем.</i>
<i>– Идемъ, Васильку, подѣ великій букъ, тамъ не промокнеме – сказала Гафѣйка.</i>	<i>– Идем, Васильку, под великій бук, там не промокнем – сказала Гафѣйка.</i>
<i>– Не плачь, солодкій! мы твой топоръ найдеме. Рыболовы ввергли сѣть и скоро вытянули золотый топоръ.</i>	<i>– Не плачь, солодкій! мы твой топор найдем. Рыболовы ввергли сѣть и скоро вытянули золотой топор.</i>
<i>Мы знаеме, что топоръ твой.</i>	<i>Мы знаем, что топор твой.</i>

Вместо устарелых форм глаголов *суть*, *отповѣль* употребляются глаголы *есть*, *отвѣтил*:

Таблица 7.

<i>КБ 1925 г.</i>	<i>КБ 1929 г.</i>
<i>Знаю, знаю, сестричко. Но у насъ еще суть дѣдо и баба.</i>	<i>Знаю, знаю, сестричко. Но у нас еще есть дѣд и баба.</i>
<i>«Мамку и нянька» – отповѣль Иванко.</i>	<i>«Мамку и нянька», отвѣтил Иванко.</i>

При сравнении первых двух изданий *Карпаторусского Букваря* И. Добоша и П. Федора (1925, 1929), мы пришли к выводу о том, что их нельзя считать первым и более поздним изданием одного и того же учебника. Существенная разница между двумя *Букварями* (художественное оформление, методические, грамматические, лексические изменения, а также добавление новых текстов для чтения), наводит нас на мысль о том, что авторами был издан новый Букварь под старым названием, который фактически полностью был переработан. Вероятно столь существенные изменения между первым и вторым изданием КБ 1925 и 1929 гг. были вызваны в первую очередь интенсификацией преподавания карпаторусского (русинского) языка в общеобразовательных школах и деревнях региона. Нельзя, конечно, забывать и «борьбу» двух главных политических течений – русофилов и украинофилов, – существовавших в то время в Чехословацкой Республике, что может послужить объяснением приближения авторами учебника норм русинского языка к нормам русского.

ЛІТЕРАТУРА

- Геровский, Г. 1995, *Язык Подкарпатской Руси*. Москва.
- Добош, С. 2010, Иван Добош (1871–1951): По воспоминаниям онука. В кн.: Лявинец, М., *Визначні постavy русинської історії, літератури и культури*. Будапешт: Столичного русинського самоуправління.
- Добош, И. – Федор, П. 1925, *Карпаторусский букварь*. Ужгород.
- Добош, И. – Федор, П. 1929, *Карпаторусский букварь*. Ужгород.
- Керча, И. 2007, *Словник русино-руський / Русинско-русский словарь*. Ужгород: Полі-Прінт.
- Куцов, К. 2007, Павел Федор (1884–1952): Штрихи к общественной и культурно-просветительской деятельности. *Русин* № 1. Кишинев, 127–133.
- Магочій, П.Р. – Поп, І. (уклад.) 2010, *Енциклопедія історії та культури Карпатських Русинів*. Ужгород: Вид-во В. Падяка.
- Поп, И. 2006, *Энциклопедия Подкарпатской Руси*. Ужгород: Вид-во В. Падяка.